

RU

Три контекста «простонародной сказки» А. С. Пушкина «Жених»

Хурумов С. Ю.

Аннотация. Цель исследования - выявить существенные контексты создания стихотворения А. С. Пушкина «Жених». В статье идёт речь о связи стихотворения с романом в стихах «Евгений Онегин», о жанровой природе стихотворения, о важности и смысловой функциональности социальной характеристики героини стихотворения. Научная новизна заключается в установлении связей между «Женихом», «Евгением Онегиным», «разбойничьим» и «русалочьим» циклами Пушкина, гипотезе о детективном жанровом элементе текста, связи социальной характеристики героини и мотивов торга в пушкинском творчестве михайловского периода. В результате исследования была установлена опосредованная темой разбойников и русалки связь между «Женихом» и «Евгением Онегиным», был выявлен детективный жанровый элемент в структуре стихотворения, показана связь между социальной характеристикой героини «Жениха» и темой торга в произведениях михайловского периода.

EN

Three Contexts of the “Common Folk Tale” “The Groom” by Alexander Pushkin

Khurumov S. Y.

Abstract. The aim of the research is to identify the essential contexts of creating the poem “The Groom” by Alexander Pushkin. The article deals with the connection of the poem with the novel in verse “Eugene Onegin”, the genre nature of the poem, the importance and semantic functionality of the heroine’s social characteristics in the poem. The scientific originality lies in determining the links between “The Groom”, “Eugene Onegin”, “robbery” and “mermaid” Pushkin’s cycles, the hypothesis about the detective genre element of the text, the connection between the social characteristics of the heroine and the motives of bargaining in Pushkin’s works of the Mikhailovskoe period. As a result of the research, the connection between “The Groom” and “Eugene Onegin”, mediated by the theme of robbers and a mermaid, was ascertained, the detective genre element in the structure of the poem was revealed, and the connection between the social characteristics of the heroine of “The Groom” and the topic of bargaining in the works of the Mikhailovskoe period was shown.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена не выявленными в полной мере контекстами создания «простонародной сказки» / баллады А. С. Пушкина «Жених». Блистательные болдинские сказки заслонили в читательском сознании «Жениха», а учёные интерпретируют произведение в рамках неизменных исследовательских сюжетов. Между тем «Жених» – очень важное произведение как для понимания эволюции пушкинского творчества в 1820-х, так и для выяснения жанрового мышления поэта и его тяготения к сложным синтезам.

Для достижения указанной цели мы полагаем необходимым решить следующие задачи: показать опосредованную связь «Жениха» с «Евгением Онегиным» (посредниками этой связи являются «разбойничий» и «русалочий» циклы); поставить вопрос о жанровом синтезе, жанровых элементах в стихотворении Пушкина и сформулировать гипотезу о детективности «Жениха»; указать на важность социальной характеристики героини стихотворения и на связь «Жениха» с произведениями михайловского периода, развивающими тему торга.

Теоретической базой исследования послужили концепции Л. В. Пумпянского (анализ жанровых элементов в составе жанрового синтеза, выявление генеалогии тем), ведущих отечественных пушкинистов Б. В. Томашевского, Р. В. Иезуитовой, О. А. Проскурина.

Практическая значимость исследования заключается в возможности методической разработки изучения тематических переключек и жанрового состава в пушкинских произведениях второй половины 1820-х и первой половины 1830-х гг. Разработка может быть использована в реализации учебных программ как высшей, так и средней школы.

Основная часть

У «простонародной сказки» / баллады А. С. Пушкина «Жених» необычная судьба. Всё обещало этому тексту прочное место в ряду самых читаемых и исследуемых произведений Пушкина. При публикации «Жених» вызвал жгучую зависть современников. Один из первооткрывателей литературного жанра баллады П. Катенин ревниво и завистливо писал в письме Н. Бахтину 28.11.1827: «Наташа Пушкина очень дурна, вся сшита из лоскутьев, “Светлана” и “Убийца” обкрадены бессовестно, и во всём нет никакого смысла» (Письма П. А. Катенина..., 1911, с. 100-101). Сам поэт планировал открыть «Женихом» несостоявшийся сборник «Простонародных сказок» 1834 года, ясно осознавая программный характер произведения (Рукою Пушкина, 1935, с. 266). В «Статье восьмой» 1844 года В. Белинский (1986) оценил «Жениха» самым высоким образом: «В народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности, сколько заключено в этой балладе» (с. 137). Однако успех «болдинских» сказок 1830-х понемногу заслонил в читательском сознании «простонародную сказку» 1825 года. Исследователи же либо рассматривали связи «Жениха» с пятой главой «Евгения Онегина» и сравнивали Татьяну с Наташей (Иезуитова, 1974, с. 53; Кукулевич, Лотман, 1941, с. 79; Лотман, 1995, с. 658), либо спорили о происхождении сказочного сюжета (Иезуитова, 1974, с. 38-42; Кукулевич, Лотман, 1941, с. 81-88), либо изучали соединение в тексте различных жанровых элементов (Иезуитова, 1974, с. 41-52; Кукулевич, Лотман, 1941; Томашевский, 1961, с. 103-105). Мы хотели бы указать на несколько контекстов «Жениха», которые позволят по-новому выявить его связь с романом в стихах, элементы присутствующего в «простонародной сказке» жанрового синтеза Пушкина, особенности характера главной героини – Наташи.

Онегинский контекст

Пушкин завершил «Жениха» в 1825, а в 1826 была создана пятая глава «Евгения Онегина». В черновиках «Жениха» главная героиня сказки/баллады несколько раз названа Татьяной, а в черновиках «Евгения Онегина» встречается имя Наташа. Наташу и Татьяну объединяет мотив сна (мнимого в одном случае и вещего – в другом) и общие жанровые предшественники – баллады В. Жуковского и П. Катенина, повесть «Наталья, боярская дочь» Н. Карамзина. «Жених» многими воспринимался если не «в тени» «Евгения Онегина», то, во всяком случае, как его «звёздный спутник».

«Жених» и пятая глава «Евгения Онегина» связаны не только между собой. Тема разбойника проходит сквозь всё пушкинское творчество. Она возникает во время южной ссылки. Прибыв весной 1820 года в Екатеринослав, поэт стал свидетелем последствий бунтов в губернии (Закруткин, 1937, с. 61). В мае 1820 г. Пушкин в Екатеринославе узнаёт о бежавших из заключения братьях-разбойниках: письмо 11.11.1823 к П. Вяземскому (Пушкин, 1926, с. 60). В июне того же года Пушкин с Раевскими посещает родину Степана Разина Старый Черкасск (Граббе, 1873, с. 786). В 1822 г. поэт работает над молдавской песней о разбойниках, родственной метрически балладам и балладным «дериватам»: «Чёрной шали», «Песне о вещем Олеге», «Узнику» (Проскурин, 1999, с. 99-103). К 1822 году относится и замысел поэмы «Братья разбойники», в которой по первоначальному плану разбойники захватывают корабль под Астраханью, атаман берёт в плен купеческую дочь и пытается добиться её любви, прежняя возлюбленная атамана сходит с ума, а новая умирает. Этот замысел мог быть отчасти вытеснен, отчасти поглощён «Бахчисарайским фонтаном» (Гудзий, 1937, с. 644). 13.06.1823 Пушкин пишет Бестужеву о том, что сюжет «Разбойников» (Пушкин, 1926, с. 51). Впоследствии, в 1827 году, поэт опубликует сохранившийся фрагмент. П. В. Анненков (1995) полагал, что «из материалов, заготовленных для “Разбойников”, вышла впоследствии, в 1825 г., пьеса “Жених”, первый образец простонародной русской сказки» (с. 115). 24.09.1820 в письме из Михайловского к брату Пушкин упоминает о своих несохранившихся «замечаниях о черноморских и донских казаках» (Пушкин, 1926, с. 13). В октябре 1824 г. в Михайловском записаны десять песен о Стеньке Разине. На основании этих записей Пушкин создаёт стихотворный цикл.

В первой его песне Пушкин впервые в русской поэзии обращается к теме утопленной персидской царевны (Неклюдов, 2016, с. 243). Её убийство изображено как жестокий ритуал, жертвоприношение реке Волге:

«Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
<...>

Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился» (Пушкин, 1948, т. 3, с. 23).

Убийство красы-девицы в «Женихе» изображено как намеренное преступление. Героиня покорно ждёт своей участи. Старший брат-разбойник, не скрывая своих намерений, точит нож, а затем хладнокровно убивает невесту:

«Сидит, молчит, ни ест, ни пьёт
И током слёзы точит,
А старший брат свой нож берёт,
Присвистывая, точит;

Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит» (Пушкин, 1947, т. 2, с. 414).

Слово «вдруг» принадлежит свидетельнице-Наташе. Она не понимает смысла происходящего и видит только внезапное злодейство. Можно допустить, что перед нами ритуальное жертвоприношение, но, в отличие от разинского сюжета, в «Женихе» не идёт речь о принесении в жертву какому-либо божеству. Его место занимает братство разбойников. В тексте Пушкина обращает на себя внимание загадочное упоминание младшего брата-разбойника:

«На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица-девица» (Пушкин, 1947, т. 2, с. 413).

Если перед нами пример ритуальной мизогинии, уходящей корнями в глубь времён (Пропп, 1986, с. 118-125), то последующие действия Наташи можно понимать не только как победу над злодеем, но и как расплату за языческое женоненавистничество, в котором повинны разбойники.

В ноябре 1824 г. в письме брату Льву Пушкин скажет про Стеньку Разина: «...единственное поэтическое лицо русской истории» (Пушкин, 1926, с. 97). В феврале 1825 г. Пушкин высоко оценит «клефтические песни» Н. Гнедича, и они повлияют на его песни о Разине. М. Погодин (1998) отметил в дневнике, что 12.10.1826 на встрече у Веневитинова Пушкин читал новые вещи и среди прочих – стихи о Разине (с. 20). В сне Татьяны Евгений Онегин оказывается предводителем шайки лесных чудовищ. Ю. Лотман в разговорах с разными собеседниками неоднократно высказывал мысль, что главный герой пушкинского романа в стихах должен был стать предводителем волжских разбойников (Немзер, 2013, с. 270). Поздние прозаические произведения и планы Пушкина посвящены разбойникам: «Дубровский», «Капитанская дочка». Подытожим: над «Женихом» и пятой главой «Евгения Онегина» Пушкин работает в период острого увлечения разбойничьей темой в Михайловском. Герой «Жениха», так же, как и Разин, губит девушку. Онегин в сне Татьяны уподоблен разбойнику, как кажется, в первую очередь, из-за предстоящего убийства Ленского. «Волжский сюжет» для Онегина остаётся всё-таки потенциальным.

Гораздо сложнее и неочевиднее, чем связь «Жениха» с пятой главой, его же связь с восьмой. Именно эта связь, как мы полагаем, может прояснить характер Наташи. Помимо темы разбойника, и «простонародная сказка», и «роман в стихах» связаны с темой «победительницы мужей». В «южных» поэмах героини-женщины гибнут, но нравственно превосходят героев-мужчин. Черкешенка в «Кавказском пленнике» жертвует собой. Мария в «Бахчисарайском фонтане» остаётся тверда в вере. Земфира живёт в соответствии с этикой кочевого племени. Герои-мужчины остаются живы, но морально падают. Татьяна Ларина и Наташа из «Жениха» – героини, которые не только морально торжествуют над героями, но и остаются живы. Характер Татьяны в восьмой главе прежде всего воспринимается через финальный монолог героини, из которого мы узнаём о всё ещё живой любви к Евгению и об отречении от неё во имя долга перед мужем. Однако отношения Татьяны и Онегина в восьмой главе не исчерпываются финальным монологом. С первой же встречи мы наблюдаем непрерывное торжество светской дамы над неудачливым воздыхателем:

«Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит» (Пушкин, 1937, т. 6, с. 179).

В финальном монологе Татьяна называет свой успех в свете «ветошью маскарада». Но ведь эти слова произносит «воскресшая», прежняя Таня, а не Татьяна – верная жена генерала. Образ героини двойится. Татьяна «comme il faut» вряд ли бы согласилась с оценкой своей нынешней жизни, которую даёт «простая дева». Евгений же влюбился именно в «равнодушную княгиню», а не в «несмелую девочку». Торжествует над Онегиным «равнодушная княгиня». Из финального монолога мы узнаём, что как раз в теперешнюю влюблённость Евгения прежняя Татьяна не верит. То, что говорит героиня в финале, как будто выпадает из реальности восьмой главы. Неслучайно некоторые исследователи склонны воспринимать последний разговор главных героев как сон (Чумаков, 2008, с. 191-192; Эмерсон, 1995, с. 43). Стремительное превращение уездной барышни в «богиню Невы» вызвало недоумение при первой публикации главы. Пушкин в предисловии к последней главе и к «Отрывкам из путешествия Онегина» упоминает мнение П. А. Катенина о последствиях исключения главы из романа (бывшей восьмой): «П. А. Катенин... заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснённым – замечание, обличающее опытного художника» (Пушкин, 1937, т. 6, с. 197). Пушкин как будто соглашается с Катениным в том, что Татьяна слишком быстро переменялась, неправдоподобно быстро. Но не звучат ли его слова иронично?

Что, если для Пушкина характер Татьяны имеет иную внутреннюю художественную логику, не регулирующую ни классицистским, ни реалистическим правдоподобием? Что, если превращение Татьяны следует понять по аналогии с превращением Онегина в пятой главе? Тогда следует говорить о мифологической, сказочной логике этого превращения. Если для Онегина пятой главы значимыми аналогиями в интерпретации оказываются Разин и Жених, то можно ли найти подобную аналогию для Татьяны восьмой главы? Такой аналогией, мы полагаем, может быть тема русалки в творчестве Пушкина.

К 1826 году, то есть, к тому же, в котором создан Сон Татьяны, относится фрагмент «Как счастлив я, когда могу покинуть», который часто истолковывается как первый подступ поэта к русалочьему сюжету (стихотворение 1819 года «Русалка» и разработка русалочьих мотивов в «Руслане и Людмиле» имеют отношение к влиянию Жуковского и, по нашему мнению, связаны с магистральным русалочьим сюжетом косвенно).

19.02.1827 Пушкин говорит поэту Ф. Малевскому о драме «Мельник», будущей «Русалке» (Цявловская, 1952, с. 266). В 1829 г. поэт начинает работать над драмой «Русалка», в которой утопившаяся дочь мельника должна была отомстить обесчестившему её князю. В 1830 г. в «Каменном госте» возникает мотив мельничихи-утопленницы Инезы – жертвы обольщения Дон-Жуана. Завершив Онегина, Пушкин вскоре остановит работу и над «Русалкой». Образ «неприступной богини // роскошной царственной Невы» в восьмой главе «Евгения Онегина» является параллелью «Русалки» (заезжий соблазнитель наказан безответным чувством и моральным уроком). К 1835 г. относится стихотворение «Яныш-королевич», включённое Пушкиным в цикл «Песни западных славян» и являющееся сюжетным дублетом «Русалки».

Работа над «Русалкой» шла параллельно с работой над последней главой «Евгения Онегина» и над «Маленькими трагедиями». Переключки и прорастание замыслов в творчестве Пушкина – процесс давно замеченный и исследованный. Конечно, при выявлении этих пересечений необходимо быть осторожным. Но пренебрегать возникающим семантическим эхо нецелесообразно. Почему оказывается возможным сравнить Татьяну и Русалку? Ведь Татьяна не мстит Онегину, а всего лишь преподаёт моральный урок. Но, как мы указали выше, Татьяна – двоящийся персонаж. «Прежняя Таня» не способна на месть. Но «богиня Невы» торжествует над «москвичом в гарольдовом плаще», над разочарованным, скучающим, тщеславным героем, «признающимся с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках». Исследователь русской литературы Л. В. Пумпянский (2000) в своём лекционном курсе 1922 года «История русской литературы» говорил о Татьяне восьмой главы: «...она... возрастает к могуществу, т.е. приобретает черты холодной, всеильной русалки. Инстинктивное перенесение действия в Петербург, с блестящей Ниной Воронскою – сей “Клеопатрою Невы” – это то же, что в 1832 г. “очнулась русалкою холодной и могучей”. Титул, Петербург, блеск высшего света – все русалочьи черты» (с. 802). Сближение «Евгения Онегина» и «Русалки», как нам представляется, может объяснить «неправдоподобие» характера Татьяны. Если Татьяна превратилась из «девочки несмелой» в «богиню Невы» так внезапно, то это потому, что превращение происходило как в мифе или сказке. Такое объяснение побуждает пересмотреть взгляд на роман в стихах в целом. Позволим себе ещё одну цитату из лекционного курса Пумпянского: «“Прежде” и “теперь”: “отчаянной и презренной девчонкой – русалкою холодной и могучей”: две Тани. Центр переносится на вторую Таню, она отравляет свадьбу, вообще усилены черты не обманутой, а мстящей. Это *contre-part* “Евгения Онегина” – перевод ненаписанной его части на язык легенды» (с. 802). «Перевод на язык легенды» – интерпретация сюжета романа в стихах на языке сказочной драмы. Татьяна и дочь мельника, моральное торжество и месть – две трактовки общей темы «победительницы мужей». В этом же ряду оказывается и Наташа из «Жениха». И Наташа, и дочь мельника, и Татьяна побеждают в противостоянии с героями-мужчинами. Наташа разоблачает убийцу, Русалка мстит князю, Татьяна как «величавая, небрежная законодательница зал», окружённая «крещенским холодом», заставляет мучиться сердцеда и гордеца, а как «простая дева с мечтами сердцем прежних дней» преподаёт «рабу мелкого чувства» нравственный урок.

Жанровый контекст

Писавшие о «Женихе» так или иначе рассматривали вопрос о жанровой принадлежности текста, о соединении в нём разных жанровых элементов. Характер главной героини также рассматривался сквозь призму жанра. Сказочная или балладная героиня – Наташа? В какой момент она ведёт себя как сказочная, и в какой момент – как балладная героиня? Какие именно баллады и сказки оказали влияние на кристаллизацию характера Наташи? Впрочем, сказкой и балладой рассмотрение не ограничивалось. А. Кукулевич и Л. Лотман (1941) писали: «...баллада “Жених” в своем окончательном виде несравненно ближе к реалистической новелле в “народном духе”, нежели к романтической балладе» (с. 77). Р. В. Иезуитова (1974) отмечала, что Пушкин «значительно обогащает балладную структуру возможностями новых, не известных традиционной балладе сюжетных решений, выводя ее из слишком замкнутого круга устойчивых ситуаций и положений» (с. 52). И хотя эти утверждения звучат отчётливо лишь отчасти, можно уловить настойчивое желание исследователей нащупать какой-то иной жанровый элемент (пусть и в рамках дискурса «реалистического преобразования» пушкинского творчества). Б. В. Томашевский (1961) однозначно связывал характер Наташи с балладой: «Волнение Наташи, когда она увидела тройку, и снова такое же непонятное молчание. Не менее странная истерика Наташи, когда приходит сваха. Всё это возбуждает любопытство и подготавливает внезапное раскрытие тайны. Такое развитие рассказа мало похоже на сказочное повествование, но возможно в балладе» (с. 104). Предпринявшая самый подробный анализ «Жениха» Р. В. Иезуитова, как и Б. В. Томашевский, связала странности поведения Наташи с поэтикой тайн в жанре баллады. Исследовательница подробно проанализировала

сказочные источники, поддержала точку зрения фольклориста В. Чернышева о псковском, а не гриммовском происхождении сюжета «Жениха», сделала оговорку об особом синтезе фольклорных жанров в пушкинском тексте (роль свадебной песни, пересказывающей сон невесты). Но главные особенности характера Наташи Р. В. Иезуитова (1974) анализирует как балладные элементы. Она согласна с Б. В. Томашевским в том, что Наташа – скорее балладная, а не сказочная героиня, но также считает, что Пушкин в этом случае существенно видоизменяет жанр баллады: «Делая героиней “Жениха” персонаж, которому в романтической балладе обычно отводилась роль жертвы, Пушкин отходит от сложившейся жанровой традиции, выступает выразителем новых тенденций в развитии баллады» (с. 52).

Куда же выводит Пушкин балладу? По направлению к какому жанру трансформирует? Р. В. Иезуитова отмечает, что главный герой баллады, разбойник, оказывается смещён на периферию, и в центре оказывается героиня, которая в балладной традиции является жертвой. Сон становится явью. Прародитель зла – опасным, но обычным преступником. Р. В. Иезуитова (1974) подчёркивает: «...поэт отказывается от... фантастической мотивировки, полностью оставаясь на почве реального объяснения событий». По этой причине баллада «Жених» перестаёт быть балладой рока. Она превращается в историю земного, посюстороннего преступления и наказания. И финал «звучит неожиданно оптимистически, прославляя находчивость и мужество героини, победившей в единоборстве со своим врагом». Героиню спасает не благочестие, не чудо, а находчивость и мужество. Противостояние року или демону «сменяется в “Женихе” действительной борьбой героини с неблагоприятно сложившимися для нее обстоятельствами» (с. 51).

Учитывая все эти рефлексии и фиксации, есть искушение предположить, что преобразование балладных элементов в «Женихе» делает его похожим на *детективную* новеллу. По сути, «Жених» превращается в историю расследования. Главная героиня оказывается и свидетелем, и следователем (в балладах В. Жуковского («Ивиковы журавли», 1813, «Варвик», 1815) и Н. Катенина («Убийца», 1815) подробно разработан мотив свидетеля. Но этот свидетель – метафизический, выражающий волю Провидения или Бога). Детективный ингредиент появляется уже в середине «Жениха». Наташа соглашается на свадьбу, но высказывает странное пожелание:

«И говорит: “Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир.
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите
Да суд на пир зовите”» (Пушкин, 1947, т. 2, с. 411).

Отец Наташи соглашается, воспринимая эти слова как причуду, «забаву» дочери. На свадьбе жених спрашивает невесту о причине её печального вида, Наташа говорит о приснившемся «крушащем» сне, отец просит открыться, и героиня начинает рассказывать свой сон. Трижды по ходу рассказа жених пытается её остановить, толкуя сон как предвестье счастливой жизни. Но каждую попытку Наташа прерывает с уверенной настойчивостью: «Постой, сударь, не кончен он...». Постепенно читатель понимает, что рассказываемая история – это не просто приснившийся сон, а обвиняющее свидетельство. Из ритуального рассказа о сне-загадке мы постепенно перемещаемся в детективное финальное разъяснение сыщика. Кульминационный момент финала – предъявление кольца, ключевой улики:

«“Ну это, – говорит жених, –
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица”.
Она глядит ему в лицо.
“А это с чьей руки кольцо?” –
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места» (Пушкин, 1947, т. 2, с. 414).

Теперь мы можем понять замысел Наташи: используя свадебный ритуал, провести дознание и изобличить преступника. Героиня как будто говорила на языке свадебного ритуала, а потом внезапно заговорила как следователь.

Классово-символический контекст

Ни Л. Лотман, ни Б. Томашевский, ни Р. Иезуитова не задаются вопросом, как соотносится балладная, таинственная, «истерическая» сторона характера Наташи с её хладнокровным поведением во время пира. Только в самом начале рассказа Наташа говорит как балладная героиня:

«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит» (Пушкин, 1947, т. 2, с. 412).

Далее всё меняется. Либо Наташа волевым усилием берёт себя в руки, либо надевает маску, либо начинает говорить изнутри нового жанра (детектива). Рассказ движется без запинок, а любая попытка увести с намеченного пути или заставить замолчать встречает её решительный отпор. Р. В. Иезуитова (1974), говоря

о ключевой сцене «Жениха», свадьбе, анализирует балладные и фольклорные элементы: «В повествование вводится и диалог, построенный по принципу “повторения с нарастанием”, – типичного приема балладной поэтики. Отчетливо выявляется “балладность” “Жениха” в особой функции диалога Наташи и жениха в сцене свадебного пира: трижды прерывает он рассказ невесты, в котором постепенно разъясняется “ужасная тайна”, сокрушавшая героиню» (с. 47-48). Однако вопрос о характере героини так и остаётся вопросом о зонах разных жанров. Но что мы можем понять в характере Наташи, помимо жанра?

Можно спросить иначе: что мы вообще знаем о Наташе? Мы знаем о её скрытности, склонности к истерике, хладнокровии в минуту опасности. Знаем о её отношениях с родителями. Наконец, знаем о том, что она – купеческая дочь. Зачем нужна эта деталь? Зачем в «простонародной сказке», балладе понадобилась сословная характеристика главной героини? Можно было бы объяснить ее специальными отношениями Пушкина с творчеством Карамзина. Конкретнее, восприятием Пушкина повести «Наталья, боярская дочь» (1792). Карамзинский контекст был важен для Пушкина с самого начала его литературной карьеры. Отметим карамзинский круг общения юного Пушкина и его членство в «Арзамасе», платонический «роман» с Е. Карамзиной, влияние карамзинского «Ильи Муромца» на «Руслана и Людмилу» и «Истории государства Российского» на «Бориса Годунова». «Наталья, боярская дочь» оставалась значимым стилистическим и сюжетным ориентиром для Пушкина на протяжении многих лет. Разговоры Натальи с няней из повести отражаются в разговорах няни с Татьяной в «Евгении Онегине» (Кукулевич, Лотман, 1941, с. 80). В «Барышне-крестьянке» Алексей Берестов обучает грамоте мнимую Акулину по тексту повести. «Жениха» с «Натальей, боярской дочерью» связывает тема разбойников и имя главной героини. Возлюбленный Натальи Алексей живёт в лесу с вооружённым отрядом, и когда девушка с няней оказывается у него после тайного венчания, то сначала чувствует смущение. Её няня в ужасе, так как думает, что они оказались в руках разбойников. Карамзин (1964) даёт время своему сентиментальному читателю пережить как в триллере несколько мгновений страха, но потом отменяет напряжение: «Теперь мог бы я представить страшную картину глазам читателей – прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваров, убийц, женою атамана разбойников... Нет, любезный читатель, нет! На сей раз побереги слезы свои – успокойся – старушка няня ошиблась – Наталья не у разбойников! Наталья не у разбойников!.. Но кто же сей таинственный молодой человек, или, говоря языком оссианским, *сын опасности и мрака*, живущий во глубине лесов? Прошу читать далее» (с. 644). Алексей Любославский оказывается сыном несправедливо обвинённого боярина. Совершив воинские подвиги, он примиряется с царём и живёт счастливо с Натальей.

Пушкин, оглядываясь на историю о боярской дочери с мнимым разбойником, создал историю о купеческой дочери с настоящим «сыном опасности и мрака». Героиня Пушкина трезвее и твёрже карамзинской. Её спасает не чуткое сердце и чистая душа, как у боярской дочери, а способность взять себя в руки, перехитрить и одолеть врага. Что если эти качества связаны с её купеческим происхождением? Мы отмечали выше, что жених несколько раз пытается прервать Наташу, но та трижды даёт ему отпор, не позволяя прервать рассказ о сне: «Постой, сударь, не кончен он». В финале мы понимаем, что сам процесс рассказывания был борьбой за жизнь. Наташа знала, что её ждёт в замужестве. Она расследовала и разоблачила преступника. Как мы уже говорили, перед нами баллада, превращающаяся в детектив. Но на эту борьбу можно посмотреть ещё и как на торг. Наташа выкупает себя у смерти – своего жениха. Её выкуп – рассказ и кольцо. Можно вспомнить ритуальную формулу «У вас товар – у нас купец», с которой сваха начинает речь. Купеческая дочь не согласилась быть «товаром», чтобы не стать трупом. Она оказалась искусным игроком-торговцем, перехитрившим мнимого «купца», душегуба-разбойника.

Разговор о классовой характеристике Наташи был бы недостаточным, если не упомянуть символический смысл торга, проявившийся в творчестве Пушкина михайловского периода. Тогда же, когда была начата работа над «Женихом», во второй половине 1824 года, Пушкин приступает к созданию стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом», и тогда же написано стихотворение «Клеопатра». В «Разговоре», который стал вступлением к первой публикации первой главы «Евгения Онегина», происходит знаменательный диалог между поэтом и книгопродавцем. Книгопродавец уговаривает поэта опубликовать новые стихи. Главный аргумент – денежный: «Не продаётся вдохновенье, // Но можно рукопись продать». По сути, финал стихотворения – торговая сделка. В «Клеопатре» египетская царица, пресыщенная удовольствиями и могуществом, предлагает купить ночь с нею ценой жизни:

«В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к *торгу страстному* приступит?
Свои я ночи продаю.
<...>

Я жду, – вещает, – что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь» (Пушкин, 1977, с. 200).

Обратим внимание на повтор слов с семантикой сделки: «торг страстный», «торгуйте радостную ночь». Клеопатре удаётся её торг, как и книгопродавцу. Сладость любви оказывается продана, как и рукопись стихов.

В этом же ряду, по нашему мнению, оказывается и Наташа, выкупающая свою жизнь у смерти. В 1824 году Пушкин оказался на распутье многих тем, многих жизненных сюжетов. К этому моменту для него постепенно прояснилась роль профессионального литератора и зависимость его материального благосостояния от литературного заработка. В личной жизни поэт переживал жестокий кризис, прервав мучительные и важные отношения с Е. К. Воронцовой и К. Собаньской. Совершенно запутались его отношения с императорской властью. Для столь страстно привязанного к азартным играм человека, каким был Пушкин, все эти ситуации могли пониматься как игра с судьбой или торг с судьбой. Ему предстояло решать все эти жизненные проблемы, играть с судьбой, заключить важнейшие сделки. Удивительно, как в 1824 году вся эта сложность неразрешимых вопросов по-разному отразилась в творчестве, и как все отражения соотразились между собой как в магическом кристалле.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. «Жених» связан с «Евгением Онегиным» не только одновременностью создания, но вовлеченностью обоих текстов в «разбойничий» и «русалочий» циклы. Героиню «Жениха» следует воспринимать в одном ряду с героинями «Песен о Стеньке Разине», «Русалки». Помимо сказочного и балладного жанровых элементов, в тексте Пушкина отчётливо различим детективный. Приключения «купеческой дочери» Наташи, с одной стороны, являются пушкинским «ответом» на историю боярской дочери Натальи у Карамзина, а с другой, оказываются проявлением мотива торга, затрагивающим ряд произведений, созданных в михайловский период.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении «русалочьего» и «разбойничьего» циклов, формулировании новых гипотез о жанровых синтетах Пушкина, углублённом исследовании мотива торга.

Источники | References

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина: репринт издания 1855 г. М., 1995.
2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В. Г. Избранные эстетические работы: в 2-х т. М., 1986. Т. 2.
3. Граббе П. Х. Из памятных записок графа П. Ф. Граббе // Русский архив. 1873. Кн. 1.
4. Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина // Известия АН СССР. 1937. № 2-3.
5. Закруткин В. А. «Братья-разбойники» Пушкина // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1937. Т. VII.
6. Иезуитова Р. В. «Жених» // Стихотворения Пушкина 1820-1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика: сборник. Л., 1974.
7. Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х т. М., 1964. Т. 1.
8. Кукулевич А. М., Лотман Л. М. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених» // Пушкин: временник Пушкинской комиссии: сборник. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып 6 / отв. ред. Д. П. Якубович.
9. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
10. Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. Персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016.
11. Немзер А. С. «Евгений Онегин» и эволюция Пушкина // Немзер А. С. При свете Жуковского. М., 2013.
12. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину (материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). Съ вступительную статью и примечаниями А. А. Чебышева. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1911.
13. Погодин М. П. Из дневника // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2.
14. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
15. Проскурин О. А. Подвижный палимпсест // Новое литературное обозрение. М., 1999.
16. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
17. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 6.
18. Пушкин А. С. Жених // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 2.
19. Пушкин А. С. Клеопатра // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977. Т. 2.
20. Пушкин А. С. Песни о Стеньке Разине // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 3.
21. Пушкин А. С. Письма: в 3-х т. / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М. - Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 1.
22. Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты / подг. к печати и коммент.: М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М. - Л.: Academia, 1935.
23. Томашевский Б. В. Пушкин: материалы к монографии. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2.

24. Цявловская Т. Пушкин в дневнике Франтишека Малевского // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58.
25. Чумаков Ю. Н. Сны «Евгения Онегина» // Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008.
26. Эмерсон К. Татьяна // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 6.

Информация об авторах | Author information

RU**Хурумов Станислав Юрьевич¹**, к. филол. н.¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва**EN****Khurumov Stanislav Yurievich¹**, PhD¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow¹ parletre70@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): А. С. Пушкин; разбойничий цикл; русалочий цикл; жанровый элемент; детектив; A. S. Pushkin; robbery cycle; mermaid cycle; genre element; detective story.